

Владимир Сергеевич Соловьев.

Из воспоминаний. Аксаковы

ОСР "ЛИТ" сентябрь, 2001 по изданию:

В.С. Соловьев. Литературная критика. М., "Современник", 1990.

Комментарии доктора исторических наук Н. И. Цимбаева.

Сохранено деление на страницы, номер страницы издания проставлен в конце каждой страницы. Курсив в книге заменен на выделение двумя подчеркиваниями. Ссылки на комментарии заключены в {фигурные скобки}

Вспоминается мне большой, просторный дом, – барский оазис среди купеческого Замоскворечья – против Николы, что в Толмочах, близ Ордынки...

– Сегодня у нас вечер с большими: дядя Юша и Анна Федоровна Аксакова хотят тебя смотреть; они теперь внизу у бабушки, и будут подниматься не вместе, чтобы не запугать сразу.

"Дядю Юшу", т. е. знаменитого славянофила Юрия Федоровича Самарина, а также и племянника, гр. Федора Львовича Соллогуба – самого своеобразного и привлекательного изо всех людей, каких я только знал, нужно будет когда-нибудь помянуть особо, а теперь я хочу только записать, что осталось в памяти об Аксаковых – Анне Федоровне и Иване Сергеевиче.

Вижу, входит мать моего приятеля, графиня Мария Федоровна Соллогуб (рожденная Самарина) и с нею дама лет 45, невысокого роста, полная и плотная, с очень некрасивым, но оригинальным лицом и, очевидно, давно оставившая всякое притязание (если только когда-нибудь его имела) быть женщиной в специфическом светском смысле этого слова. Желание Анны Федоровны Аксаковой и других лиц "смотреть" меня объясняется некоторым шумом, донесшим в Москву из Петербурга, где я несколько месяцев перед тем начал свое поприще магистерским диспутом в университете. Моя юношеская диссертация, а также вступительная речь на диспуте, резко шли против господствовавшего у нас в то время позитивистического течения, и, доставивши мне *succes de scandale** в большой публике и у молодежи,

* Скандальный успех (фр.). – Ред.

365

вместе с тем обратили на себя внимание "старших": Каткова, Кавелина, и особенно последних представителей коренного славянофильства, к которому в некоторых пунктах примыкали мои воззрения, хотя и незрелые, но достаточно определенные в главном. Анна Федоровна начала разговор по-русски с очень сильным иностранным произношением и скоро перешла на безукоризненный французский язык. Дочь нашего великого лирика Ф. И. Тютчева, по матери немка, она воспитывалась в Германии, а затем большую часть жизни провела при дворе покойной императрицы Марии Александровны, где русский язык еще не был в большом употреблении. Впрочем, она его основательно знала, очень хорошо на нем писала и могла говорить грамматически правильно, но только с резким немецким акцентом; она прекрасно знала также церковнославянский язык и была начитана в наших богослужебных книгах.

Темой первого разговора послужила, конечно, моя диссертация и ее главное содержание – критика философии Шопенгауэра и недавно выступившего тогда Гартмана. Моя собеседница с большим жаром напала на самое понятие бессознательного духа.

– Бывают душевные состояния, не сознаваемые нами, т. е. мы не всегда сознаем ясно, что делается в нашей душе, и пожалуй, это можно назвать бессознательностью души, но какой смысл имеет бессознательный дух, когда духом называется то, что владеет собою и, следовательно, имеет самосознание?

Я заметил, что слово *Geist** употреблялось в различных значениях и что у старших писателей оно относилось не к высшему, а к среднему началу нашей жизни, связывающему психическое существо с физическим, – *Geist* = *Gas* – как и у французов в старину *les esprits animaux*** означали что-то полуматерьяльное, посредствующее между душою и телом.

– Да, но ведь Гартман – не старинный писатель, и терминология у него